

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Е. А. РЕФЕРОВСКАЯ

Лингвистика текста — относительно молодая область нашей науки, чье возникновение подготовлено и обусловлено идеей необходимости принципиального различия языка и речи. Упомянутая идея известна в языкознании со времен Гумбольдта, она отражена в работах Штайнталя, Габеленца, Потевни и с особой настойчивостью сформулирована Соссюром, представившим язык и речь как „две полярные формы существования многообразных и противоречивых в своей совокупности речевых явлений“ [Кацнельсон, 1972, с. 18].

Отношение между языком и речью обусловлено функционированием последней как средства передачи коммуникации. „Язык представляет собой совокупность систем, постоянно присутствующих в сознании говорящего, речь реализует во времени данные языка“ [Guillaume, 1964, p. 84].

Язык представляет собой некую абстракцию, выводимую в конечном счете из структурных элементов речевого потока, доступного нам в общении и воспринимаемого нашими органами чувств — слухом и зрением. Речь, являющаяся „единственной осязаемой реальностью“ [Потье, 1962], зависит от языка, поскольку то, что появляется в речи, определяется языковой системой, из которой говорящий черпает необходимое для выражения своей мысли.

Все элементы синтаксической системы языка, все кодифицированные ее единицы — словосочетания и предложения — находятся в „лингвистической памяти“ говорящего на данном языке коллектива и служат ему для построения речи, которая состоит из „актуализованных элементов языка“ [Bally, 1950, p. 101]. Предложение, которое можно рассматривать как наиболее важную синтаксическую единицу языка, определяется содержательными и формальными признаками. Члены предложения и словосочетания представляют собой конструктивные элементы предложения. Формальным признаком, ограничивающим предложение в тексте, служит пунктуация (в устной речи — пауза).

Единица речи — это более или менее целостное высказывание, вычленяемое из речевого потока прежде всего семантически. Предложение, заключенное между двумя точками (в устной речи — между паузами), не обязательно

соответствует полному, законченному в смысловом отношении высказыванию. Чаще высказывание охватывает ряд последовательно расположенных в речи и связанных между собой предложений. Речь пользуется языковой моделью предложения, но, как правило, не ограничивает им рамок высказывания. В отдельных случаях, хотя и реже, предложение может выражать в речи совершенно законченное отдельное высказывание. Предложения служат моделями, формами, в которые отливается мысль, и она сочетает их для того, чтобы поместиться в них полностью. В речи непосредственно отражается движение мысли, последовательно выражающейся в языковых единицах, конструктивные схемы которых постоянно присутствуют в сознании говорящего.

Высказывание состоит, как правило, из серии связанных между собой предложений, образующих некие „сверхфразовые единства“, которые, в свою очередь, связаны друг с другом семантически и формально и образуют в конечном счете текст. Но текст — это не просто письменная фиксация речи в любом ее проявлении. Текст обладает определенными законами построения, соединения и разграничения составляющих его единиц. Выявление механизмов образования текста и является задачей лингвистики текста, которая предполагает изучение речевой деятельности, фиксированной в виде любого письменного жанра (от эпистолярного и делового до произведений художественной литературы). Ибо речь в любом виде имеет свои „формы организации, выработанные и кодифицированные общественной практикой“ [Брандес, 1977].

Текст привлекал и раньше внимание исследователей. Он служил предметом науки текстологии, которая занималась филологическим изучением древних текстов. Обращалась к текстам и стилистика — объектом служили, как правило, художественные произведения, и изучались они с точки зрения стилистических (экспрессивных) эффектов, достигаемых в результате искусного использования авторами лексических и грамматических элементов языка.

„Лингвистика текста“ рассматривает свой объект под другим углом зрения. Предметом ее изучения служит построение, порождение текста, его конституирующие элементы как с точки зрения формальной, так и содержательной структуры, с точки зрения формирования его смысла.

Что же представляет собой текст как целостный объект изучения с позиций „лингвистики текста“?

Исследователями предложен целый ряд определений текста как объекта лингвистического изучения. Но все они, в сущности, сводятся к тому, что рассматривают текст как некое структурированное по определенным законам единство, состоящее из языковых единиц — предложений, объединенных

между собой и образующих более крупные единицы – СФЕ, тематические отрезки текста, которые передают определенное законченное содержание, отвечающее целям коммуникации [Гальперин, 1974].

Вот как определяет текст М. Пфюце [Pfützte, 1970, 2]: „Я понимаю под текстом определенную организованную по цели и смыслу совокупность фраз или фразовых элементов, между которыми имеются значимые отношения и функции, т.е. структурированное единство, представляющее в сознании, в виде лингвистической единицы, какое-либо комплексное явление действительности в его относительно законченной смысловой целостности“. Примерно так же пишет Р. Барт, считая, что предметом лингвистики текста является „любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство, с точки зрения содержания, передаваемый в целях коммуникации и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию“ [Barthes, 1970, p. 28].

Процесс речи (устной или письменной) приводит к порождению текста – речевого произведения, сообщения, развертывающегося в последовательное описание ряда ситуаций (совпадающих по времени или не совпадающих), в изложение цепи событий, в рассуждение на определенную тему и т.п. Основной линией текста, основным его содержанием может служить описание перипетий жизни героя или героев повествования и многое другое. В эту основную линию, как правило, вплетаются побочные линии, отдельные отступления от основной темы, рассуждения автора, описания природы местности или описания места, где происходят данные события, упоминания любых возникающих у автора ассоциаций и соображений, личных воспоминаний и т.п. Целостный текст состоит из множества отдельных элементов, отдельных отрезков текста, которые хотя и входят в общую смысловую и формальную структуру текста, а следовательно, между собой связаны, но в то же время представляют собой некоторые относительно законченные или во всяком случае отграниченные друг от друга отрезки повествования или описания. Они могут либо лежать на основной линии текста, либо примыкать к одной из побочных линий, либо, наконец, вклиниваться в виде отдельных сообщений в общий поток речи. Эти отрезки текста состоят, в свою очередь, из серии предложений (редко из одного предложения), связанных между собой не только логически, семантически, но и формально, лингвистически. Такие серии предложений определяются как „сверхфразовые единства“. СФЕ содержит не просто совокупность предложений, разделенных точками, а определенный комплекс предложений, из которых, как правило, лишь первое (если оно не является „связкой“ между двумя СФЕ) обладает относительной смысловой и формальной самостоятельностью (автосемантией), так как оно не зависит от предыдущего предложения, находящегося в предшеству-

ющем СФЕ. Последующее предложение и присоединительные конструкции синсемантические, они непосредственно зависят от предложений, к которым примыкают. Эта связь имеет свое формальное (лексико-грамматическое, лексическое или грамматическое) выражение.

Наиболее краткое и точное обозначение своего понимания сущности рассматриваемых явлений дает А. А. Леонтьев [1979, с. 57], говоря, что „текст есть функционально завершенное речевое целое“. Автор замечает, что невозможно лингвистически определить понятие целостности текста, что она определяется только его содержанием, которое должно представляться отправителю и получателю как некое „осмысленное целесообразное единство“. К. Кожевникова [1979, с. 65], считая также текст „целостной, замкнутой высшей коммуникативной единицей“, настаивает на том, что основным конституирующим признаком текста является связность – семантическая, которая наличествует обязательно, и формальная, которая может эксплицировать семантическую применением грамматических и лексических средств языка.

К. Кожевникова [1979, с. 66] формулирует понятие текста так: „... текст – идеальная высшая коммуникативная единица, тяготеющая к смысловой замкнутости и законченности, конституирующим признаком которой, однако, является связность, проявляющаяся каждый раз в других параметрах, на разных уровнях текста и в разной совокупности частных связей“

Если соглашаться с тем, что текст – высшая коммуникативная единица и что слагается она из отдельных, связанных между собой частей, то, видимо, эти части также являются единицами текста, но более низкого уровня. Такими единицами речевой деятельности (а текст – продукт речевой деятельности в широком смысле слова) А. А. Леонтьев считает высказывание, законченное, с точки зрения содержания и интонации, и имеющее определенную смысловую и грамматическую структуру. Именно такую единицу принято именовать сверхфразовым единством.

Строя текст, говорящий выбирает слова, сочетания слов, грамматические формы и располагает их в предложениях, образующих СФЕ, так, чтобы сообщение, которое служит конечной целью речевого акта, могло быть воспринято слушателем и переработано его сознанием в представления, отвечающие коммуникативному намерению говорящего. Однако для того чтобы текст „на выходе“ (выражая мысль говорящего) способствовал созданию соответствующей картины „на входе“ (в сознании слушающего), одного текста недостаточно. Для установления полного взаимопонимания между отправителем и получателем недостаточно лингвистически оформленного сообщения (или серии сообщений = текста). Необходима опора для слушающего, которую он находит в таком существенном экстралингвистическом факте, как presupпозиция. В сущности, всякое (или почти всякое) сообщение распадается

на две части: лингвистическую и внелингвистическую, которая определяется термином „пресуппозиция“. Лингвистическую часть образуют собственно сообщение и окружающий контекст. Пресуппозиция охватывает все то, что должно иметься в сознании получателя лингвистически оформленного сообщения, все то, что лежит за пределами этого сообщения, имея, однако, к нему определенное отношение, и что может гарантировать правильное и исчерпывающее понимание его. В широко понимаемую пресуппозицию войдут не нашедшие своего языкового выражения, но обязательно присутствующие в сознании слушателя предварительные сведения, необходимые для понимания содержания сообщения: 1) знание языка, на котором делается сообщение, 2) знание ситуации (в устной речи) или лингвистического контекста (в письменном тексте). Необходим также комплекс сведений, обычно обобщаемый термином „знание мира“ или „энциклопедические знания“.

Сверхфразовое единство — единица речи (текста).

СФЕ как единица речи вычленяется из потока речи семантически и формально. Ряд предложений, входящих в СФЕ, может быть замкнут формально, однако число составляющих его компонентов заранее не определяется и зависит от смыслового объема высказывания, количества включенных деталей, ассоциативных связей и т.п. Последовательно расположенные СФЕ состоят из серии предложений, связанных единством смыслового содержания всего высказывания, частными семантическими связями между ними и формальными языковыми средствами — лексическими и грамматическими скрепами, в устной речи — интонацией. Первое предложение СФЕ, относительно самостоятельное, связано с последующими, которые от него зависят семантически и формально. Да и первое предложение, в сущности, не может считаться вполне самостоятельным, так как оно требует продолжения. Первое предложение катафорично, оно вызывает „ожидание“, которое разрешается в последующем тексте. Зависимые, синсемантические предложения имеют формальные признаки: повторение лексики (разные типы), замены имен местоимениями, артикли и местоимения в дейктических и анафорических функциях, параллельные синтаксические построения, соположение предложений и т.д.

Одной из яркх фигур СФЕ являются предложения, за которыми следуют „присоединительные конструкции“. Присоединенный после точки компонент имеет либо форму отдельного члена предложения, либо форму самостоятельного предложения, введенного союзом.

Логическое обоснование этой структуры заключается в следовании течению речи, отражающей постепенное формирование мысли — сообщения. В основной части высказывания в форме структурно законченного предложения помещается основное сообщение. Когда оно уже оформлено, возникают какие-то добавления в виде пояснения или обобщения сказанного ранее, в ви-

де его оценки или выражения отношения к нему самого говорящего, в виде детализации, уточнения:

Vous êtes un sadique. Une espèce de monstre. Un assassin (Téry).

– Enfin une voyante lui assura qu'il retrouverait son ami au Canada. *Plus précisément à Montréal (Cl. Mauriac).*

Heutzutage muss man ein Ass sein, wenn man es zu etwas bringen will. Sonst bleibt man auf der Strecke. *Wird überrollt. Zerterten. Zerstampft. Sehen Sie mich an. Hatte auch mal Ideale. Und heute? (Unger)*

Именно потому, что присоединительные конструкции служат восполнением некоего смыслового пробела в произнесенной фразе, служат устранению ее смысловой недостаточности или недостаточной ее выразительности, они обладают особой экспрессивностью, большой информативностью.

Присоединительная конструкция может относиться как к предложению, к которому она примыкает непосредственно, так и к более отдаленному отрезку текста:

Et il ne boit pas quand il est ici. Pourtant, il y a du vin et du whisky. Toujours. A sa portée. Pas une goutte. Ça ne l'intéresse pas (Lanoux).

„Pas une goutte“ относится к „il ne boit pas“.

Союзы, начинающие присоединительные конструкции, могут иметь другое значение, чем в случаях, когда они выступают в сочинительной или подчинительной функции:

Vous ne vous sentez pas bien? – Mais non, pourquoi? – Mais si, ça se voit (Maurois).

Здесь союз *mais* не передает никакого противопоставления, а лишь подчеркивает эмоциональную настойчивость утверждения. В следующем примере союз *if* выражает не условие, а сомнение:

I thought I knew why Livia had invited me to dinner and made me swear that catch. If I had sworn it. It all seemed like a drunken dream (Graves).

К средствам внутреннего сцепления СФЕ относятся:

а) параллельное синтаксическое построение предложений – компонентов СФЕ, например:

Vчера шел дождь. Сегодня светит солнце.

Avant il ne se sentait que peintre. Aujourd'hui il se sent un peu chargé de mission (Parmelia);

б) анафорическое употребление указательных и личных местоимений, артикль в индивидуализирующей функции, подчеркивающий связь объекта речи с ситуацией и др. Все это служит связыванию компонентов СФЕ. Обратимся к примерам.

Le vieux dégagea d'un fouillis d'ajonc une barque plate et il la poussa sur le sable de la rive.

Nous sautâmes dans *la barque* (Bosco).

Un jeune homme maigre courait sur les graviers. *Il* tenait comme une lance un long aiguillon à boeufs. *Il* cria: „Laissez les bêtes (Giono).

Elle *se tait*. Et dans *ce silence*, par elle provoqué, le souvenir gracieux d'une douleur ancienne se glisse dans les entrailles de M. Andesmas (Duras).

Большую роль в построении СФЕ играет порядок слов в предложениях, являющихся его компонентами. Особенно это показательно для языков, за которыми нормативно, грамматически, закреплен определенный порядок слов, например, для французского. В этом языке выдвижение второстепенных членов предложения на первое место служит способом связывания предыдущего предложения с последующим:

Voici, après les étoiles brillantes mais de deuxième grandeur, les astres éclatants de l'Iliade, Achille et Hector. *En ces deux soleils du poème*, Homère éclaire deux modes si essentiels de la vie humaine... (Bonnard).

Лексика, непосредственно отражающая содержание высказывания, играет огромную роль в оформлении внутренних и внешних связей СФЕ. В первую очередь, лексические повторы. Они могут быть различными: простое повторение слов; повторы словами близкого значения; повторы синонимические, метонимические и метафорические; повторы одних и тех же частей речи, повторы основ в разных частях речи и, наконец, повторы словосочетаний:

Je vis. Je suis vivant. Je suis encore vivant. Je suis toujours vivant. Je ne suis plus qu'une source de vie. L'ivresse de la vie me gagne. On dit: „L'ivresse du combat“, c'est l'ivresse de la vie (Saint-Exupéry).

Der Regen fällt auf die Pfützen.

Zwischen den Furchen in denen der Mais keimt, strömt *das Wasser* in kleinen *Bächen* dahin. Die Bauern... ebnen die Furchen damit *das Wasser* sich neue Bahnen sucht... In Gruppen waten sie *im Regen* über den schwimmenden Boden (Rulfo).

Une cloche se mit à sonner. Le clocher devait être très haut dans la montagne. *Le son* venait comme du ciel (Giono).

Переплетение повторяющихся слов и параллельных синтаксических конструкций создает структуру телескопического характера или цепную структуру:

Je ne sortis guère de la maison. J'y vivais de feu et de songes. Le feu ne s'éteignit jamais; jamais *les songes* ne m'abandonnèrent (Bosco).

Après les maisons, les cabanes, il y a *le blé*. Et rien d'autre que ce *blé* sous la lumière bleue. *Bleu* et *le blé* (Duras).

Dans le hall de l'hôtel, les journalistes *attendaient*. Dans la cour, trois chauffeurs *attendaient*, immobiles au volant de leurs autos; de l'autre côté du Rhin, immobiles, dans le hall de l'hôtel Dreesen, de longs Prussiens vêtus de noir *attendaient*.

Milan Hlinka n'attendait plus. Il n'attendait plus depuis l'avant-veille. Il était mort (Sartre).

Одним из типов СФЕ является до сих пор не рассматривавшаяся как сверхфразовое единство структура „соложения“. Ряд соположенных через точки предложений, рисующих одну общую картину или описывающих одно событие, представляет собой особый тип СФЕ. Особенностью этого типа структуры является то, что все ее предложения содержат разные подлежащие, обозначенные словами, ранее не фигурировавшими в тексте. Предложения, входящие в соположенную структуру, могут считаться автосемантическими и не содержат эксплицитных средств связи. Связи, образующие из них единое соположенное целое, имплицитны, они вытекают из общего смысла высказывания:

La nuit bleuissait. Il n'y avait plus qu'une étoile rousse. Le vent s'arrêta. Les oiseaux s'abattirent dans les arbres. Les chênaies émergèrent. Le jour coula d'un seul coup très vite sur le fleuve jusqu'au loin des eaux. Les monts s'allumèrent. Les collines soudain embrasées ouvrirent leur danse ronde autour des champs (Giono).

Особенностью соположенных структур является роль, выполняемая первым или последним предложением, когда содержание первого предложения раскрывается и детализируется в последующих или когда последнее предложение резюмирует содержание предыдущих.

Если СФЕ представляет собой некое отдельное высказывание, некую микротему (составной элемент текста), то очевидно, что оно должно располагать не только средствами связи отдельных его частей в одно целое, но и средствами отграничения одного СФЕ от другого. Лингвистические способы обозначения начала и конца СФЕ изучены относительно мало. Довольно долго существовали две точки зрения: согласно одной, СФЕ не имеют формальных границ, разграничиваясь лишь семантически; согласно другой – разделяются красной строкой, т.е. формально соответствуют абзацу. Оба мнения спорны.

Так как СФЕ представляет собой отдельное высказывание, небольшую отдельную тему, входящую в состав текста (который, в свою очередь, состоит из тематически связанных между собой СФЕ), то очевидно, что СФЕ должно иметь прежде всего начало и конец заключенного в нем содержания. Эти „зачины“ и „концовки“ получают в речи свое языковое выражение. Так, в текстах художественной литературы верхней границей СФЕ чаще всего служат обстоятельства времени или места, указывающие, когда и где происходит соответствующее событие, составляющее тему СФЕ:

Avant de sortir, je saisis rapidement sur le cendrier la cigarette qu'il m'avait donnée, et une fois dans le couloir, je la serrai dans mon portefeuille.

Quand je rentrai ce soir-là à la maison, il était sept heures et demie passées. Mère et mes deux soeurs étaient déjà à table. Elles m'attendaient (Merle).

Au bas des roches, nous primes le pas de course sur la pente.

A côté du puits, sous de très grands pins, il y avait une petite clairière à l'ombre. Là, mon père et l'oncle regardaient le lièvre étendu... (Pagnol).

Появление нового персонажа, новое событие, новое соображение автора, представление этого „нового“ часто осуществляется презентативами *voici*, *voilà* и презентативными конструкциями:

Voici la seconde lettre que j'aurais aimé faire. Celle-là, je n'ai jamais été assez aveugle pour envisager sérieusement de l'envoyer aux locataires... (Duras).

Существуют специальные „начинательные“ формулы; чаще всего это безличные обороты: *Es war einmal*, *il était une fois*, *il y eut*, *il fut* и т.п. Употребление некоторых из них ограничено определенными жанрами.

Ce fut une soirée mémorable: je n'en avais jamais vécu d'aussi longue. Je me gavais de dattes, de fruits confits... (Pagnol).

Лексическим средством введения нового, указанием на смену ситуации, на неожиданность появления нового персонажа, на непредвиденность нового события или действия служит лексика соответствующего значения: *soudain*, *brusquement*, *tout à coup* etc.

Внезапно раздался выстрел

Il contempla la photographie d'un air mélancolique. Le silence devint lourd et oppressant, devant l'image du petit mort. Tout à coup, Roland Oyarzun s'ébroua, fit volte-face... (Curtis).

СФЕ может начинаться с прямого словесного указания на его начало:

What had happened was this. Caligula had come out of the theatre. A sedan was waiting to take him the long way round to the New Palace between double ranks of Guards... (Graves).

К числу конечных „сигналов“ СФЕ следует отнести присоединительные конструкции, начинающиеся с союза *Et „и“*, и формулы, предворяющие вывод или заключение, типа „таким образом“, „итак“ (*c'est pourquoi*, *ainsi...*).

Fabienne finit par céder, fixa le départ au jeudi. Au moment d'écrire, elle se ravisa. „Nous allons faire, dit-elle, une surprise à nos maris“.

Et elles se mirent à préparer leur départ.

Il était cinq heures après-midi quand elles aperçurent les premiers toits de la ville... (Plisnier).

Хотя чаще всего начало сверхфразового единства совпадает с началом абзаца, а в ряде случаев и конец СФЕ с концом абзаца, отождествлять эти два способа членения текста не представляется возможным. В то время как СФЕ служит формой высказывания, строится из предложений и присоединительных конструкций и представляет собой чисто лингвистическое явление,

абзац, по-видимому, обусловлен другими факторами литературно-эстетического порядка, зависит от композиции текста, иногда просто от индивидуальной манеры автора.

Сверхфразовые единства не связаны обязательностью разграничения их красной строкой. Одно СФЕ может обнимать два и более абзацев:

Maigret bouffait sa pipe. N'était-ce pas la principale raison pour laquelle il avait entraîné son compagnon dehors? Pourtant, dans la chambre même de la morte, le docteur fumait. Maigret avait l'habitude de fumer n'importe où.

Mais pas au château! C'était un endroit à part, qui, pendant toute sa jeunesse, avait représenté ce qu'il y a de plus inaccessible! (Simenon).

Здесь с союза начинается присоединительная конструкция, которая всегда является зависимым от предыдущего предложения добавлением к нему. Следовательно, новый абзац в этом случае не начинает нового СФЕ, а продолжает, вернее, заканчивает СФЕ, начавшееся раньше.

СФЕ может начинаться и кончаться в середине абзаца:

Il m'arrivait d'interrompre sèchement Fabrizio dans le récit d'un pique-nique ou d'une promenade sur les lagunes, et de faire trébucher de son piedestal, d'un trait méchant, quelques-unes de ses idoles aristocratiques. J'écrasais Orsenna de mon mépris; je planais au-dessus à cent lieues; j'en voulais à Fabrizio, à Marino, qui partageaient les apparences de ma vie secrète, de me rabaisser avec eux devant ces caricatures dérisoires d'une existence plus haute. Un soir, à la description révérencieuse de la maison de campagne des Aldobrandi je m'emportai plus que de coutume et quittai brusquement la salle, presque les larmes aux yeux. Fabrizio courut après moi, sur la lande et me rattrapa.

Qu'as-tu, Aldo? Tu es fâché? (Gracq).

Можно было бы привести еще целый ряд семантико-синтаксических характеристик сверхфразового единства, разнообразных и интересных. Например, то, что СФЕ могут быть одночастными и двухчастными. В последнем случае части СФЕ связаны между собой логическими отношениями, например, сравнения, причины и следствия и т.д., но имеют и формальные показатели этой связи. Огромный интерес представляют также средства связывания сверхфразовых единств, превращающие серию СФЕ в отрезок текста; наличие в ряде случаев переходных элементов — „мостиков“, перекинутых от одного СФЕ к другому; возможность прерывания одного СФЕ другим с последующим возобновлением первого и многое другое. Несомненный интерес представляло бы выявление соотношения реального (авторского) времени и художественного (времени описываемых в тексте событий), которое выражается прежде всего в употреблении глагольных времен. Вклинивание одного СФЕ в другое формально фиксируется сменой глагольных временных форм, различных в прерванном и в прервавшем сверхфразовых единствах.

До сих пор из вопросов структуры текста больше всего занимались изучением внутреннего структурирования СФЕ. Но серия предложений объединяется в СФЕ, а СФЕ объединяются в тематические отрезки текста, из которых он состоит. И так же, как при линейной формальной структуре предложения, отношения между его членами нелинейны, отношения между предложениями внутри СФЕ и между самими СФЕ нелинейны и могут представлять собой весьма сложные переплетения. Особенно в диалогической речи. Тем более, что уже сама структура текста, особенно художественного произведения, состоит из сложного сочетания основной тематической линии, побочных линий и множества отдельных вкраплений, лежащих далеко на периферии текста. И если единицей текста оказывается СФЕ, то надò выяснить не только как одна единица отграничивается от другой в тексте, но и как они объединяются в нем в более крупные тематические отрезки, и как эти отрезки текста создают в конце концов весь его объем.

Через изучение структуры текста, быть может, можно выявить скрытый механизм передачи сложных построений мысли, приблизиться к выяснению кардинальной проблемы языкознания — отношения языка и мышления.

Но этого рода конкретных исследований пока еще мало. В основном пока работы делятся на такие, которые ставят общие вопросы, содержат общие рассуждения о природе текста, о необходимости и методах ее изучения, и такие, которые посвящены изучению единицы текста, точнее, внутренней структуре СФЕ. Остальные вопросы лингвистики текста, видимо, еще ждут своих исследователей.

DE LA STRUCTURE LINGUISTIQUE DU TEXTE

E. A. RÉFÉROVSKAÏA

Résumé

La „Linguistique du texte“ est une branche relativement nouvelle de la science du langage. En déterminant la notion du texte comme une succession signifiante de signes linguistiques destinée à rendre une communication, elle étudie les structures du texte, en commençant par la proposition qui en est l'unité minime et jusqu' à l'ensemble des propositions formant l'unité propre du texte, dénommée „unité superphrastique“.

Dans la plupart des cas, une seule proposition ne suffit pas à rendre un énoncé sémantiquement clos. Le plus souvent, ce dernier embrasse toute une série de propositions, qui, liées entre elles, forment des unités structurales du discours et du texte. Les liens intérieurs entre les propositions qui constituent les unités superphrastiques et leur délimitation dans le texte s'expriment par des moyens linguistiques — grammaticaux et lexicaux.

Ainsi, le texte continu a des structures particulières, suggérées par son contenu sémantique et l'intention communicative de l'auteur. Il est à espérer que l'étude des moyens formateurs du texte pourra contribuer à pénétrer plus profondément dans les mécanismes du fonctionnement de la langue qui reflète les mouvements de la pensée humaine.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брандес, 1977 — Брандес М. П. Синтаксическая семантика текста. — В кн.: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горька. М., 1977.
- Гальперин, 1974 — Гальперин И. Р. О понятии текст. — ВЯ, 1974, № 6.
- Кацнельсон, 1972 — Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972.
- Кожевникова, 1979 — Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.
- Леонтьев, 1979 — Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.
- Bally, 1950 — Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. — Berne, 1950.
- Barthes, 1970 — Barthes R. La linguistique du discours. — In: Language, Culture. La Hague—Paris, 1970.
- Guillaume, 1964 — Guillaume G. Langage et science du langage.
- Pfütze, 1970 — Pfütze M. Grundgedenken zu einer functionalen Textlinguistik. — In: Textlinguistik. Dresden, 1970, Bd. 1.
- Pottier, 1962 — Pottier B. Systématique des éléments de relation. — Paris, 1962.

TSRS MA Kalbotyros institutas
Leningrado skyrius

Įteikta
1979 m. gruodžio mėn.